

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотекы городскихъ училищъ.

Годъ изданія девятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1915.

XVI 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗСКАЗЪ ЖИРАФА.
ПЕРВЫЙ СНѢГЪ... (стих.).
ЛИШНІЙ.
БЕЗЪ МАТЕРИ (повѣсть).
РЕБУСЫ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Вагоны (для склеиванія).
Птички (игра).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
520 EAST 58TH STREET, CHICAGO, ILL. 60637

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

520 EAST 58TH STREET, CHICAGO, ILL. 60637

UNIVERSITY OF CHICAGO

520 EAST 58TH STREET

CHICAGO, ILL. 60637

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
РОССІЙСКІЙ РИМОНОВСКИЙ
МУЗЕЙ

Въ защиту цыплятъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

2. Разсказъ жирафа.

Ночь. Въ давно уже опустѣвшемъ звѣринцѣ темно и тихо. Вдыхаютъ животныя и на улицѣ нѣтъ ни души. Весь городъ спитъ; бодрствуетъ одинъ только вѣтеръ: онъ гонитъ передъ собою снѣжную пыль и наметааетъ у заборовъ цѣлые сугробы. Въ звѣринцѣ душно и холодно.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется къ себѣ въ Африку! вздыхаетъ вдругъ жирафъ и ударяетъ рожками о потолокъ звѣринца.—Я такъ соскучился по родинѣ и по жаркомъ солнцѣ! У меня здѣсь всегда такъ болитъ голова!

— Зачѣмъ-же ты стучаешься головою о потолокъ? обращается къ нему слонъ.—Нагни ее! Опусти шею!

Жирафъ глубоко вздыхаетъ.

— Это невозможно, отвѣчаетъ онъ.—Другого звѣря, подобнаго мнѣ, нѣтъ во всемъ свѣтѣ. У меня длинная шея, какъ у лебедя, и высокія стройныя ноги съ раздвоенными копытцами. Развѣ ты не видишь, что я вдвое выше тебя? Развѣ я могу помѣститься свободно въ такомъ низкомъ звѣринцѣ? Судьба закинула меня сюда, на далекій сѣверъ, гдѣ я не вижу солнца уже нѣсколько лѣтъ,—и я съ покорностью жду своей смерти... О, если-бы только она скорѣе

пришла! Я не спалъ уже болѣе полугода...

— Такъ ты прилягъ и засни! крикнулъ жирафу кенгуру.—Развѣ можно животному быть такъ долго безъ сна?

— А гдѣ я здѣсь лягу? съ горечью возразилъ жирафъ.—Мы, жирафы, спимъ вообще очень мало, очень чутки въ снѣ, но всегда ложимся на бокъ, подгибаемъ подъ себя обѣ переднія ноги и вытягиваемъ по землѣ наши шеи во всю ихъ длину. Это бываетъ очень красиво... Но гдѣ здѣсь лечь? Куда протянуть шею?.. Нѣтъ, это невозможно!

Жалобно застоналъ какой-то звѣрекъ, и тяжело закашляла больная обезьяна. Въ звѣринцѣ на нѣкоторое время водворилась тишина. Только слышно было, какъ завывалъ вѣтеръ, да сбоку, на площадѣ, на соборной колокольнѣ, звонарь отбивалъ часы.

— Разскажи намъ что-нибудь... сказалъ наконецъ слонъ.—Ночь еще длинна... Ты говоришь, что ты родился въ Южной Африкѣ? Хорошо-ли тамъ?

— О, ты не можешь себѣ представить, воскликнулъ сразу жирафъ,—какъ тамъ хорошо! Роскошныя, дѣвственные лѣса, въ которые еще никогда не вступала нога

человѣка, превосходные плоды на деревьяхъ, широкія полноводныя рѣки и за ними — безграничныя степи, по которымъ я такъ любилъ рѣзвиться. Бѣгать — для жирафа необходимо. Господь далъ ему длинныя ноги, какихъ не имѣетъ ни одно другое животное, — а мнѣ цѣлыми годами приходится здѣсь стоять на одномъ мѣстѣ, не двигаться и только стучать рожками о потолокъ. Какъ это скучно!.. Я припоминаю, какъ я бѣгалъ сбоку своей матери, прекрасной жирафы чуть не въ три сажени ростомъ. Она очень любила меня. Я сосалъ ея молочко и росъ не по днямъ, а по часамъ. Когда-же, къ концу перваго года, я выросъ настолько, что нужно было уже начать прикармливаться плодами и листвою деревьевъ, то она срывала ихъ своимъ подвижнымъ языкомъ, вращавшимся, какъ хоботъ у слона, и клала ихъ мнѣ въ самый ротъ. Мнѣ оставалось только разжевать и проглотить. Это были счастливые дни! Мы бродили большимъ стадомъ. По цѣлымъ днямъ мы носились по горячей, песчаной степи, или-же пробирались сквозь густыя заросли и лѣса. Наше стадо состояло изъ шестидесяти жирафъ, мы ходили всѣ толпой и рыжія, тигровыя пятна на нашей кожѣ мелькали въ глазахъ такъ, что трудно было смотрѣть: такъ они пестрѣли на солнцѣ. Мы всегда были сыты, потому что въ тѣхъ

мѣстахъ росло много акацій и мимозъ, до листьевъ которыхъ мы большіе охотники. Онѣ росли почти повсюду, гдѣ текла вода, и такъ было пріятно срывать съ ихъ высокихъ вѣтвей сочные листья и ѣсть! Травой мы почти не питаемся никогда. У насъ слишкомъ длинныя ноги, для того, чтобы достать ее съ земли. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пальмы слишкомъ высоки и мы не можемъ сорвать съ нихъ листьевъ, намъ приходится питаться травой, но посмотрѣли-бы вы тогда, какъ мы бываемъ тогда смѣшны. Намъ приходится широко разставлять переднія ноги, чтобы достать мордами до травы, и часто случается такъ, что, разставивъ ихъ, мы уже долго не можемъ принять прежняго положенія. Нѣкоторые изъ насъ такъ и остаются стоять, будучи не въ силахъ снова сдвинуть ноги, пока ихъ не тронутъ и не подтолкнутъ другіе. Въ такія минуты мы бываемъ наиболѣе беспомощны: любой звѣрь можетъ напасть на насъ и растерзать. Несмотря на нашъ высокій ростъ, мы, жирафы, все-таки слабыя созданія, и потому и тамъ, въ Африкѣ, у себя на родинѣ, всякую минуту боимся за свою жизнь. Я помню, какъ меня всегда предостерегала мать отъ львовъ и тигровъ.

— „Будь остороженъ, говорила она. — Тигры подкрадываются къ намъ такъ незамѣтно, что отъ

нихъ трудно бываетъ спастись. Вѣдь они—кошки, а мы мирныя двухкопытныя животныя... Намъ легко обидѣть!

И дѣйствительно, случалось такъ, что кругомъ насъ часто бродили тигры, леопарды и львы, рассчитывавшіе полакаться къ намъ-нибудь изъ насъ, но мы чуяли ихъ еще издалека и убѣгали. Когда мы плотно не закрываемъ своихъ ноздрей, то чутье у насъ довольно сносное. Когда же приходится сжимать ихъ, чтобы не попали въ нихъ отъ встречнаго вѣтра песокъ или пыль, то остается рассчитывать на одни только глаза. Но они у насъ не особенно хороши. Они прекрасны, какъ у собаки или лошади, которыя такъ-же добродушны, какъ и мы, но они часто обманываютъ насъ. Сколько разъ вотъ въ этомъ самомъ звѣринцѣ я срывалъ у дамъ со шляпъ искусственныя цвѣты и съѣдалъ ихъ вмѣстѣ съ проволоками, принимая ихъ за живые! Дамы обижаются на меня, но что же я могу подѣлать! Здѣсь всегда такой душливый спертый воздухъ отъ звѣрей и отъ людей, что я цѣлыми часами стою съ плотно сжатыми ноздрями и дышу черезъ ротъ, а глаза всегда меня обманываютъ.

— Ну, и что-же было потомъ? спросилъ неожиданно слонъ.

— Что „потомъ“? переспросилъ его жирафъ.

— Вѣдь ты рассказывалъ о томъ, какъ шелъ сбоку своей матери и приучился затѣмъ питаться листвою. Что-же было потомъ?

Жирафъ глубоко вздохнулъ.

— Потомъ случилось несчастье, продолжалъ онъ.—Мы долго бѣжали по степи, устали, насъ застала ночь, и мы расположились на покой. Я уже упоминалъ, какъ мы ложимся спать. Всѣ, сколько насъ было, мы повалились на бокъ, подобрали подъ себя переднія ноги и вытянули по землѣ шею. Мы еще не спали, когда одинъ изъ насъ вдругъ вскочилъ на ноги и громко крикнулъ:

— „Не желаетъ-ли кто-нибудь изъ васъ помѣриться со мною силами?“

Я увидѣлъ, какъ съ земли тяжело поднялся нашъ вожакъ.

— „Ну, что-жъ, давай!“ сказалъ онъ.—„Я покажу тебѣ, какъ надо бороться. Я собою съ тебя спешу!“

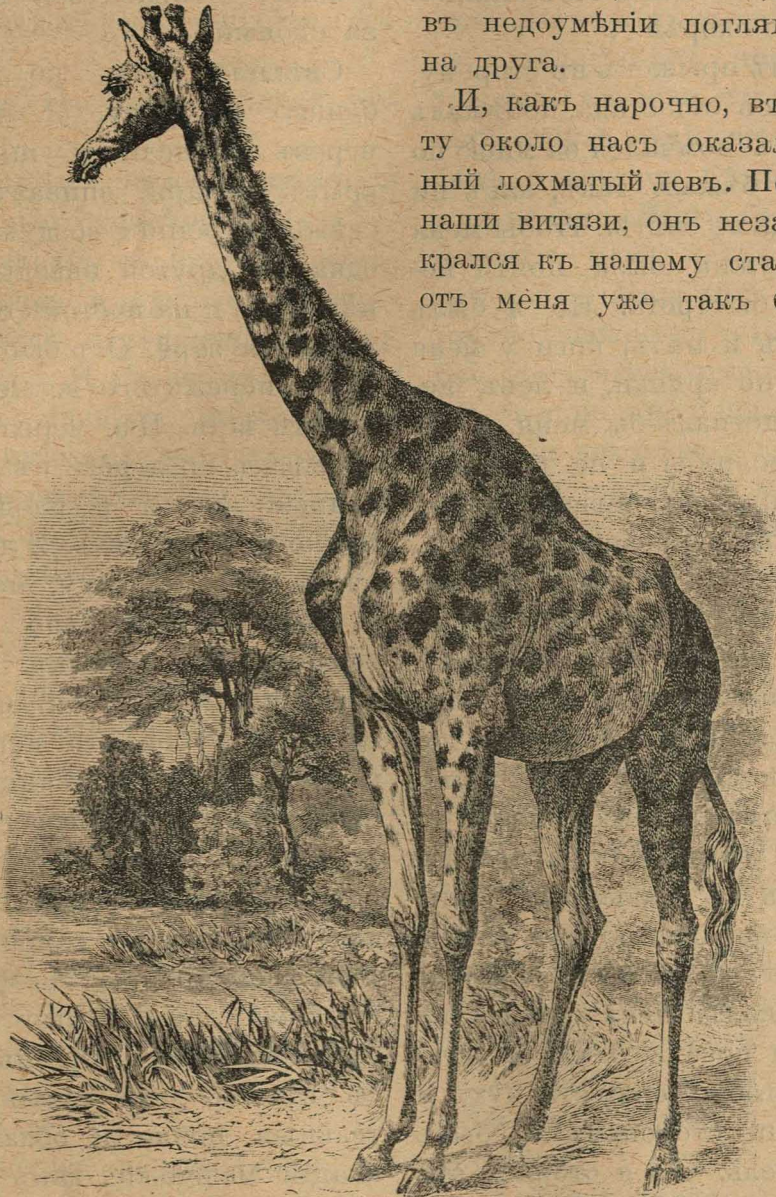
И они подошли одинъ къ другому и стали поражать другъ друга задними копытами. Это была увлекательная дуэль. Мы лежали, отдыхали и глядѣли, какъ они,—старый и молодой,—сражались. Сонъ смыкалъ мнѣ очи, но мнѣ было интересно поглядѣть, и я пересиливалъ въ себѣ дремоту и глядѣлъ. Какъ вдругъ нашъ старый вожакъ закачался и всею тяжестью своего тѣла повалился на землю. Оказалось, что молодой боецъ слишкомъ сильно ударилъ

его копытами и убилъ. Мы всѣ испугались и, сколько насъ было, вскочили на ноги. Дремота сразу-

дѣлать безъ нашего вожака? въ испугѣ воскликнула моя мать.— Кто насъ теперь поведетъ?“.

И всѣ мы, не зная, что дѣлать, въ недоумѣніи поглядѣли другъ на друга.

И, какъ нарочно, въ эту минуту около насъ оказался громадный лохматый левъ. Пока дрались наши витязи, онъ незамѣтно подкрался къ нашему стаду и былъ отъ меня уже такъ близко, что

Ж и р а ф ь.

же оставила наши глаза. Я задрожалъ отъ страха.

достаточно было-бы одного его прыжка, чтобы меня схватить. Мы

— Что-же мы теперь будемъ всѣ шарахнулись въ ужасѣ въ

сторону. Какъ то случайно я отбился отъ матери.

— „Спасайся! спасайся! закричала она мнѣ. — Бѣги безъ оглядки какъ можно скорѣй!“.

Я сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, и, отбившись отъ стада, побѣжалъ одинъ. Левъ помчался за мною по пятамъ. Я бѣжалъ такъ, какъ ни одна лошадь въ свѣтѣ. Чтобы меня настичь, нужна была почти невѣроятная быстрота. Но я былъ еще молодъ и малъ, ноги у меня были еще не крѣпки, и левъ непремѣнно догналъ-бы меня и растерзалъ, если-бы я не бросился въ заросли, переходившія затѣмъ въ сплошную, непроходимый лѣсъ. Я разбѣжался и со всего размаха прыгнулъ въ нихъ сразу всѣми четырьмя ногами сверху внизъ. Это былъ изумительный скачекъ. Мы, жирафы, когда прыгаемъ, то не сгибаемъ вовсе ногъ, и это придаетъ нашимъ прыжкамъ какой-то волшебный видъ. Изъ зарослей я перебѣжалъ въ пальмовый лѣсъ, прыгнулъ вправо, потомъ влево, сбиль льва съ толку и благополучно убѣжалъ. Левъ остался въ недоумѣніи позади. Тогда я остановился, чтобы перевести духъ, и оглядѣлся по сторонамъ. Я былъ одинъ. Мысль, что я отбился отъ родного стада и разстался навсегда съ матерью, наполнила мое сердце печалью.

— „Гдѣ теперь они? думалъ я. — Гдѣ теперь моя мать?“.

Я подождалъ еще немного, убѣдился, что опасность отъ льва мнѣ уже больше не угрожала, и рѣшилъ отправиться на поиски за своими.

Свѣтила луна, но было уже близко къ утру. Я пробирался черезъ заросли и, широко раскрывъ ноздри, вшивалъ въ себя свѣжій утренній воздухъ. Меркли одна за другой звѣзды, поблѣднѣла луна и на востокъ стала алѣть утренняя заря. Отъ быстрого бѣга и отъ пережитого волненія я захотѣлъ ѣсть. Идя черезъ лѣсъ, я обрывалъ по дорогѣ съ деревьевъ сочные листья и плоды и съ жадностью ихъ ѣлъ. Я дѣлалъ это очень легко на ходу, потому что у меня замѣчательно устроены верхняя губа и языкъ. Схвативъ вѣтку своей длинной, подвижной верхней губой, я держалъ ее, какъ въ рукѣ, и цѣпкимъ, длиннымъ языкомъ срывалъ съ нея листья и клалъ ихъ къ себѣ въ ротъ. Ты видишь, слонъ, что языкъ для меня то-же самое, что для тебя твой хоботъ. Я могу брать языкомъ даже самыя маленькіе предметы, могу ошипывать имъ съ вѣтвей даже самыя незначительныя почки и обламывать у акацій маленькіе, какъ иголки, шишечки. Итакъ, я шелъ черезъ лѣсъ и черезъ заросли и вдругъ увидѣлъ синій дымокъ, поднимавшійся изъ-за кустовъ около самаго берега рѣки. Мнѣ ужасно

хотѣлось пить, но этотъ дымокъ отвлекъ мое вниманіе отъ воды. До сихъ поръ я еще ни разу въ жизни не видѣлъ дыма и мнѣ ужасно захотѣлось увидѣть его поближе.

„Что-бы это могло быть?“ подумалъ я.

Я пробрался сквозь кусты и сталъ на него глядѣть.

Какъ вдругъ въ кустахъ что-то зашевелилось, и я услышалъ какіе-то странные невѣдомые мнѣ доселе голоса. Я подошелъ еще поближе и увидѣлъ чернокожихъ людей, сидѣвшихъ вокругъ костра, надъ которымъ висѣлъ кипѣвшій котелокъ. Ничего подобнаго я еще не видѣлъ никогда и все это казалось мнѣ такимъ страннымъ, точно во снѣ. Я стоялъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей. Мнѣ казались удивительными ихъ черный цвѣтъ кожи, ихъ короткія шеи и чѣмъ-то непостижимымъ пылавшій подъ котелкомъ огонь. Одинъ изъ негровъ вдругъ обернулся въ мою сторону и увидалъ меня. Теперь было уже совсѣмъ свѣтло и не увидѣть меня было нельзя. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія, толкнулъ своего товарища и вскочилъ на ноги.

— „Смотри, воскликнулъ онъ.— Зерафѣ!“

Слово „Зерафѣ“ значитъ „милый“. Отъ него европейцы производятъ свое слово „жирафъ“. И дѣйствительно, мы такъ милы, что

вполнѣ заслуживаемъ этого названія.

И прежде чѣмъ я успѣлъ о чемъ-нибудь сообразить, онъ схватилъ лежавшую около него веревку, сдѣлалъ изъ нея арканъ и бросилъ въ мою сторону. Петля захлестнула мнѣ шею, я хотѣлъ было броситься бѣжать, но было уже поздно. Чѣмъ больше я вырывался, тѣмъ петля все туже и туже затягивала мнѣ горло, и мнѣ трудно наконецъ стало дышать. Все помутилось у меня въ глазахъ и я безпомощно и покорно отдался въ руки человѣка.

Негры привязали меня къ дереву, связали мнѣ веревкой переднія и заднія ноги и сильно притянули мою голову веревкой къ переднимъ ногамъ. Всѣ девять позвонковъ моей шеи трещали отъ напряженія. Что я могъ сдѣлать? Какъ я могъ убѣжать отъ людей? Мы кротки и покорны отъ природы, и я не зналъ, какъ сопротивляться и что сдѣлать, чтобы вырваться опять на волю.

— Хорошая добыча! радовался на меня поймавшій меня негръ.— Когда онъ выростетъ большой, то я его зарѣжу, и мы его съѣдимъ всей семьей. Его мяса хватитъ намъ надолго!

— Развѣ жирафовъ ѣдятъ? перебилъ рассказчика слонъ.

— Да, люди насъ ѣдятъ, продолжалъ жирафъ.— Вѣдь у насъ такія же раздвоенныя копыта, какъ и

у коровъ. Говорятъ даже, что мы очень вкусны, но мало-ли чего люди не ѣдятъ!

Далеко въ углу звѣринца захлопалъ крыльями сонный попугай, сорвавшійся въ темнотѣ съ насѣсти, и запищалъ тоненькимъ голоскомъ разбуженный имъ какой-то маленькій звѣрекъ.

— Ну, и что-же было далѣе? спросилъ слонъ.

Тихій вечеръ.

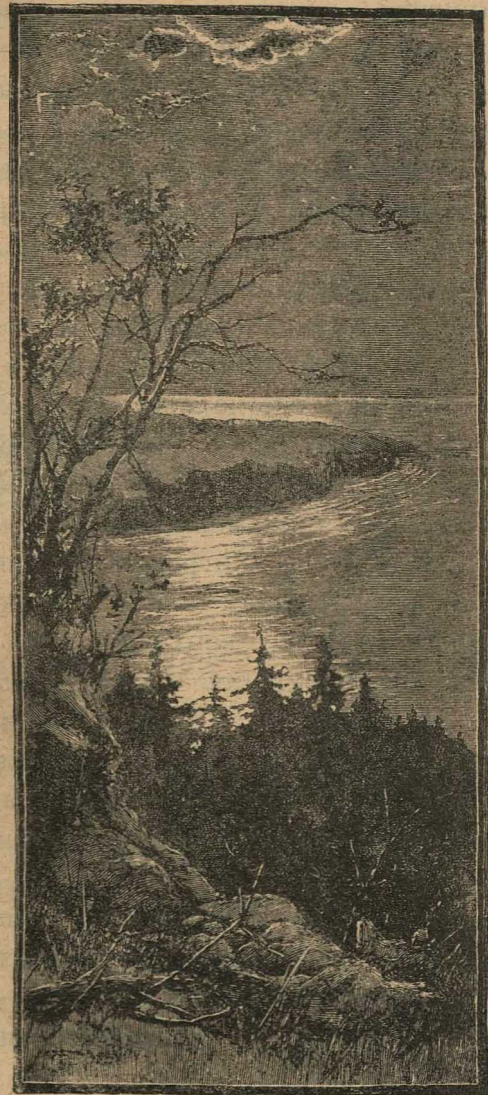
— Я ожидалъ послѣ этого моей смерти, продолжалъ жирафъ, — каждую минуту думалъ, что вотъ-вотъ меня зарѣжутъ и съѣдятъ, но къ моему хозяину пріѣхали какіе-то бѣлые люди и купили меня у него за хорошія деньги. Они пріѣхали въ Африку изъ Европы нарочно, чтобы скупать для звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ дикихъ звѣрей, и такимъ образомъ я попалъ къ нимъ. Они повели меня черезъ какую-то невѣдомую для меня пустыню, и я цѣлый день брелъ за ними, прыгая на завязанныхъ веревками ногахъ и только къ вечеру мы прибыли въ большое селеніе, расположенное на берегу безбрежнаго, голубого океана. Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. За цѣлый день я ничего не ѣлъ и не пилъ и отъ жары у меня пересохло въ горлѣ. Мои хозяева наконецъ сжалились надо мной и бросили мнѣ охапку свѣже-накошенной травы. Деревьевъ здѣсь не было, и я долженъ былъ поднимать ее прямо съ земли. Боже мой, какихъ трудовъ мнѣ стоило это сдѣлать! Мнѣ развя-

зали переднія ноги и я долженъ былъ ихъ раздвинуть какъ можно шире, и я ужъ не помню, какъ это сдѣлать. Помню только, что свою первую ночь я провелъ въ невыносимой тоскѣ и все звалъ къ себѣ свою мать.

Затѣмъ меня помѣстили на пародъ, отходившій въ Европу. Всю дорогу насъ качало, и отъ того, что у меня шея очень длинная, моя голова не могла держаться прямо и покачивалась, какъ маятникъ, вправо и влево. О, какъ мнѣ было тогда дурно на кораблѣ! Какъ у меня кружилась голова, и какъ я хотѣлъ обратно къ себѣ на родину и просилъ у Бога себѣ смерти! По прибытіи въ Европу, усталый и больной, я былъ посаженъ въ вагонъ, въ которомъ, нарочно для меня была устроена въ крышѣ дыра. Въ нее я долженъ былъ просунуть свою длинную шею и такъ и ѣхалъ всю дорогу, держа голову на пронзительномъ холодномъ вѣтру и дыша удушливымъ дымомъ локомотива. Это были самыя тяжелыя минуты моей жизни. Я вспоминалъ о своей далекой родинѣ и горько плакалъ.

Меня привезли въ какой-то большой городъ и помѣстили тамъ въ зоологическомъ саду. Для меня былъ устроенъ небольшой дворикъ, огороженный высокой рѣшеткой, и я могъ сдѣлать въ немъ два-три прыжка. Но мнѣ было тѣсно въ немъ, мнѣ хотѣлось пробѣжаться, размять свои члены, но этого

сдѣлать было уже нельзя. Надо мною цѣлыя недѣли висѣли сѣрыя облака, я скучалъ по солнцѣ, зябъ такъ, что дрожалъ иногда всемъ тѣломъ, и ѣлъ только то, что давалъ мнѣ мой сторожъ. Онъ входилъ ко мнѣ во дворикъ, трепалъ меня по плечу, ласкалъ меня, и когда къ моей рѣшеткѣ под-

Ночь.

ходили праздные зрители, то онъ кланялся имъ и, указывая на меня, весело имъ говорилъ:

— „Это мой маленькій сынишка!“

Я скоро полюбилъ его, и когда онъ долго не приходилъ ко мнѣ, то я начиналъ скучать. Иногда для потѣхи, чтобы развлечь меня, онъ впускалъ ко мнѣ во дворикъ другихъ двухкопытныхъ животныхъ, и я начиналъ съ ними играть. Особенно я любилъ шалить съ козой. Громадный я и маленькая она, мы играли, какъ малыя дѣти, и были другъ другомъ всегда довольны. Но больше всего я былъ друженъ съ собакой своего сторожа. Всякій разъ, какъ онъ ко мнѣ приходилъ, ко мнѣ во дворикъ всегда бѣгала и она. Она весело лаяла вокругъ меня, бѣгала около моихъ ногъ и, казалось, понимала меня безъ всякихъ словъ. Я тоже заигрывалъ съ ней. Однажды, въ пылу увлеченія игрой, я схватилъ ее верхней губой и языкомъ за хвостъ и приподнял на воздухъ. Она завизжала, и я неосторожно уронилъ ее на землю. Она такъ, бѣдняжка, ударилась животомъ объ землю, что захворала и вскорѣ затѣмъ умерла. Я не знаю, какъ я пережилъ ее потерю. Ко мнѣ попрежнему приходилъ ее хозяинъ — мой сторожъ — и всякій разъ съ укоризной мнѣ говорилъ:

— Вотъ видишь, что ты, негодяй, надѣлалъ! Гдѣ я теперь найду

такого-же вѣрнаго друга, какимъ былъ мой Барбось?

И я замѣчалъ, что всякій разъ у него на глазахъ появлялись слезы. Для меня это было прямо невыносимо. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я былъ тогда такимъ неосторожнымъ! Но сдѣланнаго было уже не вернуть, и я даже былъ радъ, что вскорѣ затѣмъ меня покинулъ и мой сторожъ. Онъ переѣхалъ куда-то въ другой городъ, — и я остался одинъ, и такимъ образомъ мнѣ не нужно уже было глядѣть ему со стыдомъ въ глаза.

Затѣмъ въ нашемъ зоологическомъ саду появилась на двухкопытныхъ и на однокопытныхъ какая-то странная болѣзнь. Заболѣлъ ею и я. Когда я поправился, то оказалось, что всѣ сосѣдніе со мною звѣри уже околѣли, а на мнѣ самомъ стала пятнами вылѣзать шерсть. Я похудѣлъ и подурнѣлъ. Какая-то сыпь стала разъѣдать мою кожу вдоль позвоночнаго хребта на спинѣ. Изъ меня, красивѣйшаго Божьяго созданія, какимъ былъ я у себя на родинѣ, люди сдѣлали жалкаго уroda, на котораго теперь было противно смотрѣть!

И вотъ пришли однажды ко мнѣ директоръ нашего сада и звѣриный врачъ. Они осмотрѣли меня, поговорили между собой и покачали головами.

— Надо его продать! сказалъ директоръ.

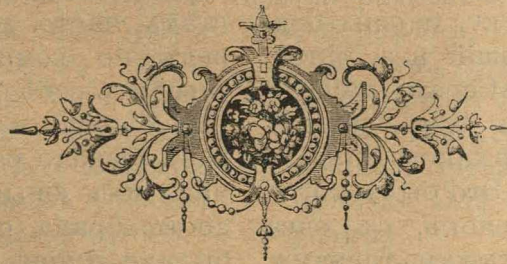
— Да, отвѣтилъ врачъ.— Это будетъ лучше, чѣмъ держать его всю зиму здѣсь. Вѣдь скоро уже будетъ зима!

Затѣмъ пришелъ хозяинъ вотъ этого самаго звѣринца и купилъ меня у директора. Съ тѣхъ поръ я уже почти никогда не вижу солнечнаго свѣта и не дышу чистымъ воздухомъ. Правда, я скоро выздоровѣлъ совсѣмъ, плѣши на моемъ тѣлѣ заросли, но я чувствую, какъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ переходомъ нашего звѣринца изъ города въ городъ, я становлюсь все хуже и неинтереснѣе и скоро, вѣроятно, зачах-

ну совсѣмъ и умру. Если-бы я не былъ жирафомъ, то желалъ—бы быть собакой. У нея глаза добрѣе, чѣмъ у всѣхъ этихъ зрителей, которые отъ нечего дѣлать приходятъ смотрѣть на насъ и платяты деньги за наши страданія. О, какъ я не люблю людей, какъ я пересталъ ихъ уважать за ихъ жестокость и за ненужныя страданія, которыя они причиняютъ звѣрямъ!

Жирафъ смолкъ, и во всемъ звѣринцѣ воцарилась глубокая тишина. Только попрежнему вылъ за стѣнами вѣтеръ и гналъ передъ собою тучи снѣга.

С. Вершининъ.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Я вышелъ въ поле. Что за диво?
Слѣпитъ глаза мнѣ бѣлизна:
Вѣдь здѣсь была когда-то нива!
Гдѣ травъ душистая волна?

Гдѣ всѣ цвѣты: глазокъ гвоздички,
Ромашка, кашка, василекъ?
Что не звенятъ стрекозы, птички
И не поетъ вдали рожокъ?

Кругомъ такъ тихо, такъ пустынно,
Такъ даль бѣла и глубока,
И вереницей въ небѣ длинной
Плывутъ сѣдя облака...

М. Черновъ.

ЛИШНІЙ.

Цвѣли розы, въ кустахъ сирени распѣвали соловьи, вдалекѣ, у рѣки, кричали лягушки, и дѣти бѣгали по большой площадкѣ передъ домомъ, играли и думали, что такъ будетъ продолжаться и всегда. вмѣстѣ съ ними играла и большая бѣлая собака. Съ веселымъ лаемъ она перебѣгала отъ одного ребенка къ другому, хватала ихъ за рукава и дѣлала это съ такимъ видомъ, точно хорошо понимала игру. Дѣти знали ее уже давно и крѣпко любили ее, несмотря на то, что она была какой-то странной, некрасивой породы, напоминавшей сразу и пуделя, и овчарку, и сенъ-бернара. Самый старшій изъ дѣтей, одиннадцатилѣтній Сережа, нашелъ ее еще пять лѣтъ тому назадъ въ канавѣ, около ржаного поля, и принесъ ее домой. Это былъ тогда еще маленькій щенокъ, съ едва открывшимися мутными глазами, очевидно, брошенный въ канаву совсѣмъ. Несмотря на всѣ возраженія няни, Сережа схватилъ его, прижалъ его къ себѣ и со всѣхъ ногъ пустился въ усадьбу показать свою находку мамѣ. Папа былъ противъ того, чтобы въ усадьбѣ было однойлишней собакой больше, но Сережа сталъ плакать, за него вступилась мама — и щенокъ остался съ дѣтьми навсегда. Такъ его и прозвали: „Лишній“.

Дѣти выросли Лишняго, и онъ питалъ къ нимъ самую трогательную любовь. Онъ никогда не отходилъ отъ нихъ, принималъ участіе во всѣхъ ихъ затѣяхъ и про-

гулкахъ, радовался ихъ радостью и, казалось, горевалъ ихъ горемъ. Но больше всѣхъ онъ любилъ Сережу и каждую ночь ложился на коврикъ у его кровати. Сестры Леночка и Катя обыкновенно спали съ няней въ другой комнатѣ, рядомъ съ спальней мамы.

Былъ тихій, лѣтній вечеръ, дѣти бѣгали съ Лишнимъ по площадкѣ и даже и не подозрѣвали, что скоро ихъ радостямъ долженъ былъ наступить конецъ. Правда, они замѣчали еще раньше, что съ нѣкоторыхъ поръ ихъ мама стала какъ-то странно-тиха и печальна, а папа сталъ часто ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и озабоченно теревить себѣ бородку. Теперь они уже больше не шутили съ дѣтьми, какъ бывало раньше, — и это удручало ихъ юныя души. Но молодость брала свое, они скоро забывали о чемъ-то нависшемъ надъ семейю, выбѣгали съ Лишнимъ въ садъ или на площадку и принимались за игру.

Однажды дѣти увидѣли маму всю въ слезахъ. Это ихъ встревожило. Они вопросительно переглянулись. Леночка подбѣжала къ матери и обняла ее за шею. Сережа стоялъ молча, нахмурившись, и держалъ Лишняго за ошейникъ.

— Мамочка, о чемъ ты плачешь? спросила Леночка.

— Вы этого не поймете, дѣти... отвѣтила мать. — Идите, играйте себѣ на здоровье!

— А это скоро пройдетъ? спросилъ Сережа. — Съ тобой и съ па-

пой что-то дѣлается... Вы скоро опять будете веселыми?

— Не знаю... Богъ знаетъ! отвѣтила мать.—Идите бѣгать!

Въ этотъ вечеръ, съ котораго начинается этотъ рассказъ, дѣти какъ-то особенно весело играли. Они позабыли обо всемъ на свѣтѣ и все казалось созданнымъ и существовавшимъ только для нихъ однихъ.

И вдругъ Леночка воскликнула: — Мама идетъ!

И, дѣйствительно, къ нимъ подходила мама. Она была блѣдна, губы ея нервно подергивались и было еще издали видно, что она хотѣла имъ что-то сказать. Подойдя къ дѣтямъ, она взяла дѣвочекъ за руки и повела ихъ къ скамейкѣ.

— Пойдемте, сядемъ... сказала она.—Я хочу съ вами поговорить.

Дѣти сразу пришли въ себя и сдѣлались серьезными. Мать сѣла, но они всѣ трое стали передъ ней рядомъ и приготовились слушать.

— Мы должны уѣхать отсюда, начала мать.—Насъ выгоняютъ отсюда за долги... Наше Затишье теперь принадлежит другому...

— Какъ другому?! воскликнулъ Сережа.—Вѣдь мы здѣсь родились!

Мама заплакала. Дѣвочки тоже нахмурились.

— Послѣдніе четыре года былъ неурожай, продолжала мама, вытирая слезы,—вашему папѣ нечѣмъ было заплатить въ банкъ проценты за имѣніе, и наше Затишье продали съ молотка... Теперь мы разорены... Въ четвергъ мы переѣзжаемъ въ городъ.

Дѣвочки залились слезами.

— Я не хочу въ городъ! рѣшительно заявилъ Сережа.—Я не поѣду туда ни за что!

Катя и Леночка бросились къ матери и стали ее обнимать. Когда общее горе немного поутихло, то Сережа взялъ у матери руку и поцѣловалъ ее.

— Значить, мы теперь, мама, бѣдны? спросилъ онъ.

— Да, сыночекъ, отвѣтила мать,—мы теперь бѣдны, но вы не бойтесь. Господь поможетъ намъ. Папа найдетъ себѣ въ городѣ мѣсто и будетъ служить, а вы будете ходить учиться—и все позабудется. У васъ будутъ тамъ новые товарищи и подруги—и все обойдется какъ-нибудь...

Дѣти опять молча переглянулись. То, что сообщила имъ мать, было для нихъ такъ неожиданно, что они не знали, горевать-ли имъ, или-же радоваться новой предстоящей перемѣнѣ.

— А няня тоже переѣдетъ съ нами въ городъ? спросила Леночка.

— Нѣтъ, вы уже теперь большія, продолжала мать,—она вамъ теперь не нужна... Она поѣдетъ къ себѣ на родину...

— А Лишній? спросилъ Сережа.

— Боюсь, мой милый мальчикъ, что ты долженъ будешь разстаться со своей собакой! Ну, гдѣ мы въ городѣ будемъ помѣщаться съ такимъ громаднымъ псомъ? Вѣдь тамъ дворовъ нѣтъ, придется жить въ третьемъ этажѣ... Нѣтъ, ужъ Лишній пусть останется здѣсь!

Дѣвочки взглянули на Лишняго и опять заплакали. Сережа не сказалъ больше ни слова, а только взялъ Лишняго за ошейникъ и отвелъ его къ сторонкѣ. Въ эту минуту маму кликнули изъ дома. Она взяла съ собой Леночку и Катю и ушла. Тогда Сережа выбѣжалъ изъ сада и бросился къ

ближайшему лѣску. Лишній позлѣдовалъ за нимъ. Оставшись съ собакой наединѣ, Сережа сѣлъ на кочку, усадилъ собаку рядомъ съ собой, склонилъ голову на ея затылокъ и, обхвативъ ее за шею руками, вдругъ заплакалъ. Лишній въ удивленіи поглядѣлъ на него. За всѣ эти четыре года онъ ни разу не видѣлъ, чтобы мальчикъ надъ нимъ плакалъ. Сережа вообще былъ не изъ слезливыхъ. Сообразивъ, что здѣсь было что-то неладное, Лишній задралъ голову кверху и завылъ.

— Молчи, Лишній! крикнулъ на него Сережа и стыдливо отеръ на себѣ слезы.

Лишній пересталъ выть, лизнулъ его въ лицо и въ руки и жалобно заскулилъ:

— Ску-ску-ску...

Весь слѣдующій день прошелъ для дѣтей тихо и печально. Стали укладываться, всѣ въ домѣ суетились и папа какъ-то особенно торопливо отворачивался всякій разъ, какъ встрѣчалъ просившіе за Лишняго глаза Сережи. Ему тоже было очень тяжело. Затѣмъ няня заперлась съ дѣтьми въ дѣтской, и они чуть не цѣлый день не выходили на воздухъ и старшіе даже обрадовались, когда они улеглись наконецъ спать: все-таки не такъ надрывалось сердце, глядя на ихъ грустныя личики и пугливые вопросительныя взгляды. Два другіе послѣдніе дня протекли въ любимомъ родномъ гнѣздѣ еще тоскливѣе. Когда-же ко крыльцу поданъ былъ экипажъ, который долженъ былъ отвезти семью въ городъ, то всѣмъ вдругъ сдѣлалось какъ-то страшно. Мама и дѣвочки плакали, папа старался казаться веселымъ

и беззаботнымъ, но у него это плохо выходило, а Сережа стоялъ около экипажа и никакъ не могъ рѣшиться въ него сѣсть. Въ конюшнѣ вылъ и лаялъ запертый Лишній и слышно было, какъ онъ грызъ дверь и царапался въ нее когтями.

— Папа, вдругъ осмѣлился Сережа и дернулъ отца за рукавъ.— Ну, возьмемъ Лишняго съ собой! Пусть онъ поѣдетъ съ нами! Если нечѣмъ будетъ его кормить, то я самъ лучше не буду ѣсть!...

— Этого нельзя, Сережа, отвѣтилъ отецъ. — Большое животное стѣснить насъ въ городѣ. Садись, а то тебя ждуть!

Онъ посадилъ мальчика въ экипажъ, усѣлся въ него и самъ, протянулъ руку нѣкоторымъ изъ провожавшихъ, перекрестился и крикнулъ кучеру:—

— Трогай!

Лошади дернули и, звеня бубенчиками, выѣхали со двора. Вой Лишняго становился слабѣе и наконецъ не сталъ слышенъ совсѣмъ. Дѣвочки перестали плакать и стали лучше устраиваться въ экипажъ, а Сережа сидѣлъ нахмурившись и глоталъ слезы. Онъ вовсе не плакалъ, но вся душа его была охвачена горемъ и ему казалась невыносимой разлука со своимъ четвероногимъ другомъ. Всю дорогу онъ думалъ только о немъ. Встрѣтятся-ли онъ когда-нибудь опять съ Лишнимъ? Не отвыкнетъ-ли отъ него его другъ за время долгой разлуки? Чувствуетъ-ли и Лишній такое-же горе, какъ и его маленькій хозяинъ? Въ глубокомъ раздумьѣ Сережа даже и не думалъ о томъ, что могло ожидать его впереди. Ему было совершенно,

безразлично, гдѣ найдетъ онъ свою новую родину, потому что безъ родного Затишья она никогда не будетъ для него родиной.

Прошелъ часъ, другой, гдѣ-то кормили лошадей, потомъ опять поѣхали и вотъ подъ копытами лошадей уже застучала мостовая большого города. Рядъ домовъ, отсутствіе зелени, толпы прохожихъ, звенящій трамвай и извозчики, — какъ все это не похоже на милую деревенскую усадьбу, вокругъ которой теперь весело распѣвали соловьи и у оконъ дома которой цвѣли розы и душистая сирень и посылали въ комнаты свой душистый аромат! Сережа оглянулся вокругъ себя и ему стало вдругъ такъ грустно-грустно и такъ безнадежно показалось впереди.

Экипажъ остановился въ какой-то узкой улицѣ, передъ трехъ-этажнымъ домомъ. Молча послѣдовалъ Сережа за своими родителями наверхъ и задумчиво оглядѣлъ холодныя, пустыя, пахнущія масляной краской, комнаты, которыя отнынѣ должны были сдѣлаться его жилищемъ. Какими маленькими и низенькими показались онъ ему въ сравненіи съ домомъ въ Затишьѣ, въ которомъ онъ родился! Какъ тамъ было хорошо! Нѣтъ, это лучше, что Лишній остался тамъ! Папа правъ: здѣсь негдѣ было-бы держать собаку.

Затѣмъ начались хлопоты. Вносили новую простенькую мебель, вколачивали гвозди, распаковывали ящики съ посудой, развязывали узлы. Все это было ново, интересно и дѣвочки хлопотали такъ же, какъ и мать. Увлекся и Сережа. Но когда всѣ улеглись спать,

то онъ долго не могъ уснуть на новомъ мѣстѣ и все время думалъ объ усадьбѣ и о Лишнемъ. Ему слышался его послѣдній вой и каждую минуту мальчику хотѣлось вскочить съ постели и заглянуть за дверь, не тамъ-ли спать на коврикѣ его собака?

Среди ночи Сережа тревожно проснулся. Ему почудился какъ-будто лай, какъ будто вой Лишняго. Онъ быстро вскочилъ съ постели и прислушался. Да, правда, теперь онъ слышалъ это ясно! Это дѣйствительно былъ лай на яву. Съ радостью и удивленіемъ Сережа выбѣжалъ изъ комнаты и, какъ былъ, въ одной рубашкѣ и босикомъ, побѣжалъ скорѣй въ комнату къ мамѣ.

Было уже поздно, но папа и мама еще не спали и при свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ о чемъ-то разговаривали.

— Папа! Мама!.. задыхаясь закричалъ имъ Сережа. — Тамъ Лишній, Лишній! Слышите, онъ воетъ! Онъ нашелъ насъ!

Папа всталъ съ мѣста, подошелъ къ мальчику и потрогалъ его ладонью за лобъ.

— Ты вѣрно простудился съ этимъ переѣздомъ!.. сказалъ онъ ласково. — У тебя жаръ. Пойди, милый, въ постельку и засни опять.

Но Сережа продолжалъ стоять на своемъ.

— Тамъ Лишній! Лишній! кричалъ онъ и слезы такъ и струились у него по щекамъ. — Онъ приближалъ къ намъ! Онъ насъ отыскалъ!

Мама взяла Сережу за руку и отвела его обратно въ постель.

— Спи, голубчикъ, сказала она.

угрюмый утёсъ.

— Хочешь, я приколю тебѣ цвѣточекъ?

— Успокойся! У тебя дѣйствительно жаръ!

Онъ легъ и, подавивъ рыданія, укрылся съ головой. Мать вышла отъ него тихонько, зажгла свѣчу и стала спускаться внизъ.

„Должно быть, ему почудилось во снѣ“... подумала она. — „Впрочемъ, пойду погляжу, быть можетъ, это и правда“...

Черезъ минуту въ коридорѣ слышались возня, радостный лай и визгъ, затѣмъ дверь распахнулась и въ комнату къ Сережѣ, какъ сумасшедшій, ворвался Лишній. Онъ бросился къ нему на постель и сталъ лизать его въ шею, въ руки, въ лицо.

— Лишній! обрадовался Сережа, не вѣря своимъ глазамъ. — Мой милый, хорошій, Лишній! Какъ это ты меня нашель? Какъ ты сюда прибѣжалъ?

Но собака такъ обрадовалась и такъ вертѣлась на кровати, что сбила на ней все бѣлье и оставила на подушкѣ отпечатки отъ грязныхъ лапъ. Отецъ и мать стояли у дверей, смотрѣли на эту сцену свиданія и тоже были рады. Эта вѣрность собаки, это ея умѣние найти ихъ въ такомъ большомъ городѣ привели ихъ въ умиленіе и имъ и самимъ уже хотѣлось, чтобы Лишній остался здѣсь у нихъ совсѣмъ, но это была простая, дворовая, громадная собака, которую некуда было здѣсь дѣвать и некуда помѣстить, — и они не знали, что съ ней дѣлать.

— Папа! вдругъ воскликнулъ Сережа, и глаза его заблестали. — Значить, теперь Лишній можетъ остаться съ нами здѣсь? Да?

Папа отвернулся, чтобы не отвѣтить сразу отказомъ.

— На ночь—да, отвѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовала и мама.

Сережа и Лишній остались одни. Они долго еще не спали, ласкались другъ къ другу и наконецъ затихли. Пережитая радость утомила ихъ, они тѣсно прижались другъ къ другу и сладко оба заснули.

На слѣдующее утро во всей квартирѣ стояли гамъ и бѣготня. Проснувшіяся дѣвочки, узнавъ, что прибѣжалъ Лишній, повскакивали съ постелей и, позабывъ обо всемъ, стали съ нимъ играть. Сережа былъ внѣ себя отъ радости. Лишній лаялъ, какъ труба, и наполнялъ все комнаты своимъ крикомъ. Шелъ дождь. Его выпустили погулять, онъ возвратился весь мокрый, сталъ отряхиваться и забрызгалъ собою всю мебель. Только что вымытые полы онъ испачкалъ грязными лапами. Это была громадная дворовая собака—и теперь ясно было уже и для дѣтей, что держать ее здѣсь, въ такой маленькой квартиркѣ, было-бы неудобно и неприятно.

„Но что же дѣлать?“ молча повторялъ Сережа. — „Что дѣлать? Какъ быть?“

И онъ ломалъ себѣ голову и никакъ не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ. Папа и мама тоже переглядывались и тоже, казалось, были заняты судьбою Лишняго. Но, вѣроятно, они не могли придумать ничего, такъ какъ въ полдень пришелъ какой-то человекъ, привязалъ Лишняго на веревку и повелъ его обратно въ Затишье. Лишній упирался, Сережа глядѣлъ на него большими испуганными глазами, а затѣмъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Надо примириться, мальчикъ, обратился къ нему отецъ. — Ты забываешь, что мы въ городѣ. Лучше ты самъ съѣзди не разъ въ Затишье и повидайся тамъ со своей собакой, чѣмъ держать ее здѣсь!

Боже мой! Съѣздить не разъ въ Затишье? Да возможно-ли это? Побывать опять тамъ, гдѣ родился, въ томъ самомъ мѣстѣ, по которомъ успѣлъ уже соскучиться всего только за одни сутки!

Сережа обрадовался и бросился къ собакѣ, когда ее уводили.

— Ты слышалъ, Лишній? воскликнулъ онъ. — Я могу у тебя бывать! Мы будемъ съ тобою видаться! Я буду приходить къ тебѣ и мы будемъ вмѣстѣ играть!

А затѣмъ они разстались и всѣ въ квартирѣ какъ-то сразу вдругъ приуныли. Точно съ уходомъ Лишняго порвалась послѣдняя связь съ насиженымъ гнѣздомъ.

Прошли двѣ недѣли. Кое-какъ устроились на новой квартирѣ, развѣсили картины и занавѣски и даже завели на окошкахъ цвѣты. Но всѣмъ было какъ-то тѣсно и непривычно, хотѣлось въ деревню, къ широкимъ полямъ и къ лѣсамъ, гдѣ теперь цвѣли ландыши и должны были появиться первые грибы. Дѣти тосковали. Сережа едва выносилъ эту вынужденную жизнь взаперти и никакъ не могъ привыкнуть къ ежедневному обязательному гулянью по тротуару. Его тянуло обратно въ Затишье. Къ тому-же всѣ эти двѣ недѣли онъ не видѣлъ Лишняго и сталъ по немъ скучать.

— Папа, отпусти меня въ Затишье!.. обратился онъ къ отцу. — Вѣдь ты обѣщаль!

Отецъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Отправляйся! Я и самъ-бы поѣхалъ туда съ тобою, да какъ-то неловко... Только ты поѣзжай по желѣзной дорогѣ.

У Сережи забилось сердце. Онъ не ожидалъ, что папа такъ легко согласится. Изъ Затишья пріѣхали сюда въ экипажѣ, но ѣхать одному по желѣзной дорогѣ было гораздо удобнѣе. Станція отстояла отъ Затишья всего только въ трехъ съ половиной верстахъ и ихъ легко можно было пройти пѣшкомъ. Начались сборы. Мама сдѣлала для Сережи нѣсколько бутербродовъ, папа далъ ему полтора рубля, и полный волненія и чувствуя себя большимъ, Сережа въ первый разъ въ жизни отправился такъ далеко одинъ. Онъ не помнилъ, какъ добрался въ трамваѣ до вокзала, какъ доѣхалъ до своей станціи и какъ вышелъ потомъ изъ вагона. Онъ пришелъ въ себя только тогда, когда запахалъ по широкому полю къ своей бывшей усадьбѣ, когда услышалъ въ деревьяхъ гомонъ птичьихъ голосовъ и когда свѣжій, чистый, свободный вѣтеръ сталъ обдувать его пылавшее лицо.

Вотъ верстовой столбъ, вотъ одинокая кузница у дороги, вотъ сѣнной сарай у опушки лѣса. Сейчасъ будетъ поворотъ, потомъ горка, а съ горки ужъ откроется и видъ на Затишье. Какъ сильно бьется у Сережи сердце! Онъ уже не можетъ идти, а бѣжить. Онъ спотыкается, задыхается, но не обращаетъ на это вниманія и только и думаетъ о томъ, какъ увидитъ сейчасъ родную усадьбу и встрѣтитъ въ ней дорогого, искренняго друга.

Но вотъ ужъ и усадьба. Сквозь рѣшетку видно, какъ около дома ходитъ какой-то незнакомый господинъ, и около него бѣгаетъ дѣвочка. Это новые хозяева. Какая-то чужая собака, замѣтивъ Сережу, бросается съ лаемъ къ воротамъ. Хозяинъ отгоняетъ ее и подходитъ къ Сережѣ.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спрашиваетъ онъ.

Сережѣ странно, что его, который здѣсь родился и выросъ, не впускаютъ сюда безъ такого вопроса.

— Мнѣ хотѣлось-бы повидаться съ... собакой, робко отвѣчаетъ онъ.—Здѣсь у васъ осталась наша собака Лишній... Я хотѣлъ-бы ее увидѣть.

— Собаку?... переспрашиваетъ въ изумленіи новый хозяинъ.—Какую это собаку? Какая это такая лишняя собака?

— Не лишняя, а Лишній... отвѣчаетъ Сережа.—Она большая, бѣлая, съ лохматой шерстью.

Хозяинъ переглядывается съ дѣвочкой.

— Это, папа, навѣрное та, говоритъ дѣвочка, которая сидитъ у насъ на цѣпи!

Сердце Сережи обливается кровью. Неужели-же бѣднаго Лишняго посадили на цѣпь? Такъ вотъ почему онъ такъ долго не прибѣгалъ къ Сережѣ въ городъ!

Хозяинъ отпираетъ калитку и впускаетъ Сережу. Онъ идетъ по родной усадьбѣ виновато, точно не по своей, и боится даже ступить ногами о ту землю, по которой еще такъ недавно бѣгалъ и игралъ съ сестрами и съ Лишнимъ.

— Вонъ тамъ! говоритъ дѣвочка и указываетъ на скотный дворъ.—

Тамъ въ углу, за людской кухней. Только смотрите, какъ бы онъ васъ не порвалъ!

Порвать его? Сережу? — Да можетъ-ли это быть? И мальчикъ съ тревогой, но въ то же время смѣлыми шагами направляется къ людской. Онъ идетъ и слышитъ, какъ за его спиной новый владѣлецъ кому-то говоритъ:

— Это было такой ошибкой съ моей стороны покупать это имѣніе! Дешево заплатилъ, а все къ чему и для чего? Заниматься хозяйствомъ.—не умѣю, ничего не понимаю, а осень и зиму здѣсь, вѣроятно, умру со скуки и тоски. Пропадѣла деньга!

Сережа слышитъ эти слова и ему кажется страннымъ, какъ это можно умереть со скуки въ такой милой усадьбѣ и какъ это можно покупать имѣніе только для того, чтобы его купить и тѣмъ выселить изъ него другихъ? И для него, маленькаго мальчика, вдругъ какъ-то сразу стало ясно изъ этихъ словъ, что для того, чтобы любить землю, нужно имѣть съ ней связь, нужно быть ей роднымъ, какъ братъ или сестра, и быть готовымъ посвятить ей всю свою жизнь и даже за нее умереть. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ Сережа умеръ-бы сейчасъ за свое родное Затишье, которое составляло для него часть его великой родины, великой, дорогой, ненаглядной Россіи!

Ночь. Стрѣлка показываетъ два. Леночка и Катя видятъ уже десятый сонъ, но папа и мама еще не спятъ. Лица ихъ встревожены, движенія безпокойны. Они то и дѣло поглядываютъ на часы и переглядываются между собою. Давно-бы уже пора Сережѣ вернуться

изъ Затишья, но его все еще нѣтъ. Онъ какъ уѣхалъ еще рано утромъ въ девять часовъ, такъ и не возвращался до сихъ поръ. Гдѣ-бы онъ могъ быть? Не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь въ дорогѣ? Живъ-ли онъ? Не попалъ-ли онъ подъ поѣздъ? Папа уже нѣсколько разъ выходилъ на улицу его встрѣчать, но не встрѣтилъ, съѣздилъ и на вокзалъ, но тамъ ему сказали, что поѣздовъ уже не будетъ до самаго утра. Мама волновалась и плакала. Поѣхать-бы сейчасъ въ Затишье самому, но все равно лошадей сейчасъ нанять нельзя, а первый поѣздъ отправляется только утромъ въ девять часовъ. И взволнованный папа въ который уже разъ ходитъ изъ угла въ уголъ и тихо молится.

— Господи, спаси его! Господи, прости меня и сбереги его для меня!

А мама только смотритъ безмолвно на образъ и только видно, какъ у нея на глазахъ блестятъ слезинки.

— Ложись спать! обращается къ мамѣ папа.—Ты устала... Тебѣ надо отдохнуть!

— Нѣтъ, ложись ужъ ты, а я еще подожду!.. отвѣчаетъ мама и оба они не ложатся и все ждутъ, ждутъ, и ночь кажется имъ такою длинной, какъ вѣчность...

Наступило утро. Людская кухарка въ Затишѣ проснулась рано, чтобы подоить коровъ, захватила съ собой остатки отъ вчерашней ѣды, чтобы бросить ихъ цѣпной собакѣ, и отправилась на скотный дворъ.

Подойдя къ конурѣ, къ которой былъ прикованъ на цѣпи Лишній, она въ изумленіи остановилась, какъ вкопанная.

— Святъ, святъ, святъ!.. залепе-

тала она.—Съ нами крестная сила! Это что-же такое?

Около будки сидѣлъ Лишній, а около него, прильнувъ щекою къ его спинѣ, сладко спалъ Сережа. Все лицо его и костюмчикъ были покрыты утреннею росой и видно было, что ночью и на зарѣ ему было холодно, но онъ жался къ своей любимой собакѣ и старался согрѣться ея тѣломъ. Мальчикъ спалъ крѣпко и не проснулся даже отъ окрика кухарки.

— Пойти сходить за бариномъ!.. проговорила кухарка.—Онъ рано встаетъ и теперь проснувши.

И оставивъ около будки доѣнку и принесенную ѣду, она отправилась за хозяиномъ въ домъ. Новый помѣщикъ въ это время уже бродилъ въ халатѣ по саду и все вздыхалъ и охалъ, что потратилъ послѣднія свои деньги на покупку ни на что ненужнаго ему Затишья.

Около будки сидѣлъ Лишній, а около него сладко спалъ Сережа.

— Ты, Дарья, что? спросилъ онъ подходившую къ нему кухарку.

— Да у насъ, баринъ, сегодня ночью, что-то случивши! отвѣтила она.—Подхожу я сейчасъ къ цѣпной собакѣ, чтобы дать ей ѣсть, а около нея спитъ какой-то мальчѣнко. Такъ прикорнулъ къ ней, голубчикъ, и спитъ... Въ собачьей будкѣ. Обнявши оба...

— Мальчѣнко? удивился хозяинъ.—Въ собачьей будкѣ? Обнявшись?

И, полный удивленія, онъ отправился съ кухаркой на скотный дворъ. Сережа все еще сладко спалъ. Хозяинъ тотчасъ-же узналъ въ немъ того самаго мальчика, которому онъ вчера отворялъ калитку.

— Да вѣдь это сынъ прежняго владѣльца! воскликнулъ онъ.—Вѣдь онъ изъ благородныхъ! А ты, дура, его держишь здѣсь!

И онъ похлопалъ мальчика по плечу. Сережа вздрогнулъ, проснулся, быстро вскочилъ на ноги и сталъ виновато протирать глаза.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? обратился къ нему хозяинъ.—Развѣ можно здѣсь спать? Вѣдь здѣсь грязь и нечистота! Иди лучше въ комнату!

Сережа оглядѣлся и вдругъ горько заплакалъ.

— Чего-же ты плачешь? спросилъ хозяинъ.

— Мнѣ не хочется уходить отсюда, отвѣтилъ сквозь слезы Сережа,—я въ городѣ жить не могу и умру тамъ съ горя! Я здѣсь родился, выросъ,—и меня насильно потащили туда. Мои папа и мама каждый день плачутъ, что у нихъ отняли это имѣніе, а сестры похудѣли и перестали смѣяться. Кромѣ того, вы посадили на цѣпь

эту мою собаку, а она умная, и я люблю ее больше всѣхъ!

Онъ закрылъ руками лицо, взвизгнулъ и, подергивая плечами, продолжалъ истерически плакать. Хозяинъ смотрѣлъ на него, не зналъ, какъ его унять, и молчалъ.

— Спусти собаку съ цѣпи! наконецъ приказалъ онъ кухаркѣ.

Та тотчасъ-же исполнила его приказаніе. Почувствовавъ вдругъ свободу, Лишній пробѣжался раза два по скотному двору, какъ сумасшедшій, и затѣмъ сталъ бросаться къ Сережѣ и лизать его въ лицо.

— Лишній!.. Лишній!.. сталъ ласкать его мальчикъ.—Мой милый, дорогой, хорошій Лишній!..

Хозяинъ молча стоялъ въ сторонкѣ и, хмурясь, смотрѣлъ на эту сцену.

— Не онъ здѣсь лишній, а я! проговорилъ онъ и, завернувшись въ полы халата, тяжелой походкой направился къ дому.—Нужно мнѣ было покупать это имѣніе! Только принесъ этимъ несчастіе другимъ!

Кухарка пошла доить коровъ, и мальчикъ съ собакой остались одни.

— Пойдемъ, Лишній! сказалъ наконецъ Сережа.—Мы здѣсь съ тобой чужіе!

И, свистнувъ собакѣ, онъ побрелъ съ нею на станцію. Всю дорогу вокругъ него пѣли птицы, ему кланялась по пути колосившаяся рожь, деревья шумѣли надъ нимъ листвою и встрѣчный, ласковый вѣтерокъ, какъ и вчера, обвѣвалъ его лицо. Сережа шелъ, вдыхалъ въ себя этотъ утренній, свѣжій, ароматный воздухъ, и ему было жаль расставаться съ деревней и не хотѣлось—ахъ, какъ не хотѣлось!—возвращаться обратно

въ душный, пыльный, тѣсный городъ.

Но вотъ онъ уже въ вагонѣ. Лишній забился подъ лавку и притаился такъ, что его не слышно. Будки, телеграфные столбы, закопѣлое депо, ряды вагоновъ—все это мелькаетъ передъ глазами Сережи, какъ на лентѣ кинематографа—и вотъ наконецъ уже и городской вокзалъ. Поездъ останавливается. Путь конченъ, и Сережа съ Лишнимъ выходятъ изъ вагона.

— Сережа! вдругъ слышитъ мальчикъ около себя радостный окрикъ.

Онъ оборачивается и видитъ передъ собой отца. Папа бросается къ нему, крѣпко обнимаетъ его и начинаетъ цѣловать. А около нихъ, съ визгомъ и радостнымъ лаемъ прыгаетъ Лишній и старается каждого изъ нихъ лизнуть непременно въ самыя губы и въ лицо и поднимаетъ такой шумъ, что прохожіе останавливаются и съ любопытствомъ начинаютъ ихъ оглядывать.

Черезъ недѣлю папа получилъ отъ кого-то письмо. Онъ прочиталъ его и сталъ набожно креститься. Прочитала и мама, радостно заплакала и тоже стала креститься.

— Что такое? спросилъ Сережа.

Папа протянулъ къ нему письмо.

— Прочти самъ! сказалъ онъ. — Это отъ новаго владѣльца Затишья! Сережа отошелъ къ окошку и сталъ читать.

„Милостивый Государь, писалъ къ папѣ этотъ господинъ.—Проживъ около мѣсяца въ бывшемъ

вашемъ Затишья, я убѣдился въ томъ, что сдѣлалъ ошибку, приобрѣтя его черезъ банкъ. Я не созданъ для деревенской жизни и къ тому-же имѣю основанія предполагать, что, благодаря этой покупке, Вы и Ваши дѣти лишены насиженаго гнѣзда и родного угла. Позвольте обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ. Не пожелаете-ли Вы купить у меня обратно Ваше Затишье безъ всякой надбавки въ цѣнѣ и чѣмъ-бы скорѣе Вы это сдѣлали, тѣмъ оказали-бы мнѣ большую услугу. Я человекъ больной, нуждаюсь въ постоянной помощи врача и наступающая осень страшитъ меня еще большимъ ухудшеніемъ здоровья, такъ какъ мнѣ придется безвыѣздно жить въ Затишья, чего я очень боюсь. Я въ въ Затишья—лишній. Въ надеждѣ получить отъ Васъ скорѣйшій отвѣтъ, остаюсь съ почтеніемъ
Такой-то“.

Сережа прочиталъ это письмо, и сердце его забилось отъ радости.

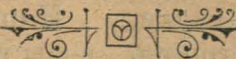
— Ну, и что-же ты, папа, ему отвѣтишь? спросилъ онъ.

На папѣ отъ радости не было лица.

— Что отвѣчу? переспросилъ онъ. — Конечно, то, что охотно соглашаюсь на его предложеніе и покупаю у него усадьбу обратно! Онъ нисколько не увеличиваетъ цѣны!

Сережа прыгаетъ, хлопаетъ въ ладоши и отъ счастья не знаетъ, что дѣлать. вмѣстѣ съ нимъ высоко подпрыгиваетъ и его любимый, четвероногий другъ.

М. Б—скій.

БЕЗЪ МАТЕРИ.

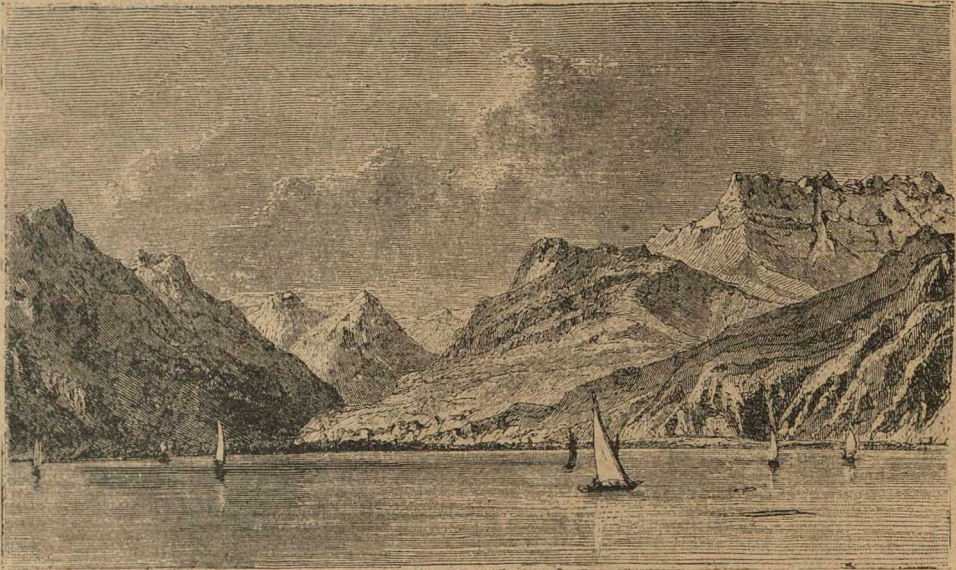
ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

О, если-бы только найти дорогу въ рай! Съ какимъ-бы наслажденіемъ Вѣра побѣжала туда и рассказала-бы обо всемъ своей матери!

Потеря Буси казалась Вѣрѣ безнадежной, она уже не отыскивала его, а все шла и шла, куда гля-

стуча ногами по мостовой, зажглись огни, и вечеръ вступилъ въ свои права. Мимо Вѣры проходили люди, которымъ не было до нея ровно никакого дѣла, проѣзжали извозчики и ломовые и все было такъ не похоже на деревню, къ которой

У береговъ острова Таити.

дѣли ей глаза. Она была босикомъ и не одѣта, ей было холодно, но она этого не замѣчала и только смотрѣла въ ту сторону, гдѣ въ концѣ улицы, далеко-далеко на горизонтѣ, виднѣлась еще не совсемъ угасшая полоска потухшаго уже заката.

„Тамъ, должно быть, рай!..“ шептала она. — „Тамъ моя мама!“

Становилось холодно и сыро. На фабрикахъ прогудѣли гудки, прошли партіи рабочихъ, громко

стремилась душа Вѣры, и къ которой такъ ее всегда тянуло. Теперь тамъ было просторно, наступающая осень разукрасила деревья въ желтый и красный цвѣта и повсюду стоялъ свѣжій, бодрящій воздухъ, какого никогда не было и не могло быть въ этомъ грустномъ, тѣсномъ фабричномъ кварталѣ.

— А что, если я пойду туда? вдругъ задала себѣ Вѣра вопросъ.

И она даже улыбнулась отъ удовольствія. Мысль оказаться въ

Катанье съ горы.

деревнѣ, покинуть навсегда этотъ городъ и начать новую жизнь—показалась ей заманчивой. Теперь, когда Буся исчезъ неизвѣстно куда и когда ее не привязываетъ къ жизни у вотчима уже ничто, она почувствовала вдругъ себя свободной и, собравъ всѣ свои силы, побѣжала въ ту сторону, гдѣ еще чуть замѣтно алѣла заря.

— Я тамъ наймусь пасти коровъ, шептала она, — или брошусь къ кому-нибудь въ ноги, заплачу и скажу:—„Сжальтесь надо мною, и не гоните меня: я одинокая, несчастная сирота!“ Меня пожалѣютъ и оставятъ въ деревнѣ...

Она бѣжала вдоль улицы, а холодъ все больше и больше сковывалъ ея босыя ноги, и по всему тѣлу у нея пробѣгали мурашки. Ахъ, зачѣмъ зачѣмъ, она не надѣла башмаковъ и не набросила на себя пальтишка!

Но это ничего. Она пробѣжитъ еще версту или двѣ, добѣжитъ до той свѣтлой полоски, гдѣ небо сходится съ землею, и, если ее не обманетъ ея предположеніе, то она влѣзетъ прямо на небо и попадетъ въ рай. Тамъ будетъ тепло, будетъ много зеленой травки и доброты, той самой доброты, которой она не видѣла со дня смерти матери. Тамъ она увидитъ Боженьку, который запретилъ грубо обращаться съ дѣтьми, и спроситъ у Него, гдѣ Буся? Боженька укажетъ ей, она сбѣгаетъ за нимъ, найдетъ его и приведетъ его тоже въ рай. И будутъ они тамъ вмѣстѣ, около своей мамы, будутъ бѣгать по зеленой травкѣ и кушать золотыя яблочки.

Пока она бѣжала и мечтала о раѣ, закатъ погасъ уже совсѣмъ. Большой трехэтажный домъ неожиданно преградилъ ей дорогу,

она свернула вправо, потомъ влѣво, потомъ опять вправо, запуталась въ узкихъ переулкахъ и въ темнотѣ ночи, будучи уже не въ силахъ двигаться отъ холода и отъ усталости, опустилась на землю и прислонилась озябшей спиной къ забору.

„Посижу здѣсь, подумала она, — отдохну и побѣгу далѣе“...

Но она совсѣмъ уже озябла. Все тѣло ея дрожало, зубы стучали и она не въ силахъ была подняться и продолжать путь. Какая-то тяжелая истома, какъ свинцомъ, наполнила ея члены, ей захотѣлось вдругъ спать и въ то-же время она знала, что въ такой обстановкѣ не заснетъ никогда, — и вдругъ стала плакать.

Неужели-же она такъ и не добѣжитъ до рая? Неужели ей такъ и суждено всю ночь оставаться въ этомъ темномъ, грязномъ, незнакомомъ переулкѣ и дрожать отъ холода?

И съ каждой минутой окружающая ее ночь сгущалась все болѣе и болѣе и становилось все холоднѣе и холоднѣе.

Вѣра поплакала, закрыла глаза и впала въ забытье.

— Дѣвочка, ты чья? вдругъ раздался около нея женскій голосъ.

Вѣра не отвѣтила.

— Чего ты тутъ прижалась и сидишь?

Вѣра услышала этотъ голосъ, поняла его, но не нашла въ себѣ силъ отвѣтить.

Тогда женщина наклонилась надъ ней, внимательно оглядѣла ее, а затѣмъ взяла ее на руки и понесла.

— Ухъ, какая ты тяжелая!.. проговорила она.

Приятная теплота пролилась вдругъ по тѣлу Вѣры. Ее укрыли

шалю и незнакомка крѣпко прижала ее къ себѣ. Вѣрѣ вдругъ стало хорошо отъ этой ласки неизвѣстной ей женщины. Ее несли куда-то, она не знала, куда именно, да и не хотѣла знать: не все-ли это было для нея равно? Женщина не спросила ее, кто она, кто ея родители, какъ очутилась она ночью у забора, а просто пожалѣла ее и взяла ее съ собой.

— Пойдемъ, бѣдняжка, пойдемъ! говорила она. — Я дамъ тебѣ тепленькаго чайку, ты и согрѣешься.

Она подошла съ Вѣрой къ какому-то маленькому домику съ закрытыми ставнями и постучалась въ дверь. Ей отворила дѣвочка лѣтъ одиннадцати.

— Это что, мама? спросила она, указавъ подбородкомъ на Вѣру.

— Дѣвочку какую-то подобрала... отвѣтила женщина. — Подъ заборомъ валялась... Надо ее обогрѣть, а то вся дрожить, озябла...

— Бѣдненькая!.. нараспѣвъ проговорила дѣвочка.

Гдѣ Вѣра слыхала этотъ тоненькій голосокъ? Какъ будто-бы онъ ей знакомъ! Она слыхала его, кажется, еще только сегодня, когда ходила съ Бусей гулять на бульваръ!

Женщина внесла Вѣру въ комнату и уложила въ постель.

— Полежи здѣсь! сказала она. — А ты, Клаша, скипяти скорѣе на керосинкѣ воды и завари чаю! Вишь, какъ она озябла!

Какая-же это Клаша? И имя знакомое!.. Ахъ, да! Это та самая дѣвочка, которая просила позволенія поцѣловать Бусю и рассказала Вѣрѣ о томъ, какъ Христось запретилъ отгонять отъ Него дѣтей! Боже мой, какая радость!

Вѣра открыла глаза и оглядѣлась.

Въ маленькой, низенькой комнаткѣ было тепло и уютно. Стояла старомодная мебель краснаго дерева, на окнахъ виднѣлись цвѣты, пахло свѣже-вымытыми полами. Передъ образомъ горѣла лампадка. Женщина опустилась передъ кроватью на колѣни и обняла Вѣру за талию.

— Лежи, моя касатка! ласково сказала она. — Грѣйся на здоровье! Сейчасъ Клаша принесетъ тебѣ чайку!

Вошла Клаша. Да, это та самая дѣвочка, которую Вѣра встрѣтила на бульварѣ!

— Клаша! воскликнула Вѣра.

Клаша посмотрѣла на нее, но не узнала. Она только улыбнулась и закивала Вѣрѣ головой.

— Сейчасъ, сейчасъ! сказала она. — Я уже заварила!

Вѣра такъ перезябла, такъ устала, а здѣсь было такъ тепло и хорошо, что она позабыла обо всемъ, напилась чаю и тотчасъ-же заснула.

Она проснулась рано утромъ, когда было еще темно. Горѣла лампа и у образа, на колѣняхъ молилась мать Клаши. Въ окошко виднѣлось синее небо, на которомъ гасли и мерцали звѣзды. Гудѣли утренніе гудки на фабрикахъ. Вѣрѣ было такъ пріятно лежать полъ одѣяломъ, что она не шевельнулась и не подала вида, что проснулась. Мать Клаши кончила молиться и подошла къ Вѣрѣ.

— Ахъ, бѣда, бѣда!.. проговорила она и перекрестила дѣвочку. — И сколько васъ развелось на свѣтѣ несчастной нищеты! И куда васъ всѣхъ дѣвать? Ну, спи, моя милая, Господь съ тобою! Ужо утречкомъ надо сказать о тебѣ генеральшѣ, авось она опредѣлитъ тебя куда-

нибудь въ пріютъ. У генеральши служить экономкой моя сестра.

Разсвѣтъ въ окнахъ сталъ обозначаться яснѣе, а затѣмъ стало и совсѣмъ свѣтло. Проснулась Клаша и защebetала, какъ птичка. И, странное дѣло, она не узнавала Вѣру. Вѣра признала ее еще вчера, но Клаша держала себя такъ, точно не видала ее ни разу.

„Развѣ напомнить ей о томъ, какъ она цѣловала Бусю?“ подумала Вѣра, но мысль о Бусѣ сразу же наполнила горемъ ея душу. Гдѣ-то онъ теперь? Живъ-ли онъ? И какъ она теперь будетъ безъ него?

И она встала на колѣнки на кровати, закрыла руками лицо и горько заплакала.

— Не плачь, не плачь, дѣтка! обратилась къ ней мать Клаши. — Все устроится! Богъ поможетъ!

Сѣли пить чай, затѣмъ Клашина мать ушла, и дѣвочки остались однѣ. Вѣрѣ было такъ пріятно находиться въ этой маленькой семьѣ, въ этомъ крошечномъ домикѣ съ его старинной мебелью и съ такой удивительной чистотой, что она съ замираніемъ сердца подумывала о томъ, что надо возвращаться домой. Но куда идти? Неужели къ себѣ, гдѣ для нея все было всегда такъ чуждо и такъ непривѣтливо? Неужели она сможетъ опять жить въ томъ уныломъ домѣ, гдѣ такъ много жильцовъ и гдѣ нѣтъ теперь самага главнаго для нея—это Буси? Вотъ жаль только того, что тамъ остались ея чулки и башмаки! Въ чемъ она будетъ теперь ходить? А вчера было такъ холодно и сыро!

Затѣмъ Клаша достала изъ комода множество тряпокъ, и дѣвочки стали играть. Боже мой, какое

счастье! Вѣра никогда еще не играла ни во что и теперь ей все было такъ ново и дико, что она боялась прикасаться къ тряпкамъ, точно ожидала, что ее могутъ за это ударить по рукамъ. Когда же Клаша достала еще и куклу, то глаза у Вѣры заблестали, она позабыла обо всемъ и чуть слышно проговорила:

— Дай поддержать!

Клаша протянула къ ней куклу и засмѣялась.

— Играй, играй! сказала она. — Я ничего!

А затѣмъ она серьезно посмотрѣла на Клашу и продолжала:—

— Вчера, послѣ вечерни, я была съ мамой на бульварѣ и видѣла тамъ дѣвочку съ мальчикомъ. Хорошенькій такой! Глаза такіе же, какъ и у этой куклы. Я его поцѣловала. У меня былъ точно такой же братишка, да умеръ... Мнѣ такъ жалко!

И на глазахъ у нея засвѣтились слезы.

Вѣра не сказала ей, что это была она съ Бусей, и тоже задумалась.

— Онъ теперь у Боженки въ раю, продолжала Клаша,—а все-таки мнѣ скучно безъ него. Я такъ любила его нянчить! Вотъ, если бы опять встрѣтить того мальчика! Онъ, какъ двѣ капли воды похожъ на нашего Костю!

У Вѣры пробѣжали двѣ слезинки по щекамъ.

— Ты того мальчика не увидишь больше никогда, сказала она.

— Почему? спросила Клаша.

— Потому что онъ пропалъ неизвѣстно куда...

— А откуда ты это знаешь? Чего ты сейчасъ плачешь?

— Такъ...

— Нѣтъ, скажи, почему?

Вѣра хотѣла было рассказать Клашѣ все, но въ это время въ комнатку вошла мать Клаши и, перекрестившись на образъ, сказала:

— Богъ милости прислалъ! Вотъ вамъ, дѣвочки, просвирка! У обѣд-ни была!

— А батюшка читалъ опять про дѣтей? сразу же спросила Клаша.

— Нѣтъ, отвѣтила ей мать, развязывая платокъ. — Сегодня про другое...

— И про рай не читалъ? робко спросила и Вѣра.

Клашина мать раздѣлась со всѣмъ, подошла къ Вѣрѣ и потрогала ее за подбородокъ.

— И-и, милая! отвѣтила она. — Рай не только на небѣ, а и на землѣ. Миръ въ семьѣ, да ладъ, да любовь, да чистенько, да тепло, да никто никого не обидитъ—вотъ тебѣ и рай! Гдѣ любовь — тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ—тамъ и рай!

Она медленно сложила шаль и сѣла въ старинное кресло. Вѣра задумалась и уставилась въ одну точку. Тряпки вывалились у нея изъ рукъ.

— Ты о чемъ задумалась? спросила ее Клаша.

— Такъ, о раѣ... отвѣтила она. — Тамъ теперь моя мама... И папа тоже...

— Значить, ты сирота? спросила Клашина мать.

— Да.

— Гдѣ же ты до сихъ поръ жила?

— У Кривцова... Только онъ мнѣ не родной отецъ... Онъ уже уѣхалъ!

— Значить, онъ тебя бросилъ на произволь судьбы?

— Нѣтъ, не бросилъ... Онъ только уѣхалъ... Нашъ Буся пропалъ!

И она вдругъ громко зарыдала и заторопилась сразу домой. Ей пришло на умъ, что Буся могъ какъ-нибудь случайно вернуться или его могли найти и принести домой, а ея тамъ нѣтъ, и онъ теперь сидитъ тамъ одинъ, плачетъ и зоветъ ее къ себѣ. А ея тамъ нѣтъ.

И она засуетилась, засуматошилась и стала прощаться.

— Да куда ты, глупенькая! возразила Клашина мать. — Вѣдь ты босая и безъ чулокъ! Ну, куда ты пойдешь? Вѣдь сегодня холодно!

Но Вѣра расплакалась еще больше и не хотѣла слушать. Остаться здѣсь, промѣнять этотъ земной рай за счастье быть снова съ Бусей казалось ей преступнымъ, и она стала просить, чтобы ее не удерживали и отпустили домой.

— Пора! Пора! лепетала она. — Онъ навѣрное уже вернулся! Онъ навѣрное теперь уже тамъ!

Клаша и ея мать переглянулись. Затѣмъ Клаша полѣзла подъ кровать и достала оттуда поношенные башмаки. Ея мать вынула изъ комода шерстяные чулки.

— На, одѣвай! сказала она Вѣрѣ.

Вѣра обрадовалась, быстро надѣла чулки и башмаки, поцѣловала Клашу, поцѣловала руку у ея матери и направилась къ выходу.

— Да ты скажи хоть, гдѣ ты живешь? крикнула ей вдогонку Клашина мать. — Я передамъ о тебѣ генеральшѣ и она тебѣ поможетъ! Она много дѣлаетъ обѣднимъ добра!

Вѣра сказала ей свой адресъ и выбѣжала на улицу.

Но куда теперь идти? Въ переулкѣ было пустынно, не у кого было спросить, она оглядѣлась и по звону колокола, звонившаго къ поздней обѣднѣ гдѣ-то далеко въ сторонѣ, догадалась, куда нужно было идти.

Полчаса спустя, она была уже около своего дома. Со страхомъ она поднялась по его лѣстницѣ, къ себѣ на третій этажъ, со страхомъ вошла къ себѣ въ квартиру. Все, какъ было вчера, такъ оставалось и теперь. Только было холодно. Ясно, что никто не поинтересовался, были ли дѣти дома или нѣтъ, и никто не заглянулъ за все это время въ квартиру.

— Буся! робко окликнула Вѣра.

Но никто не отозвался. Она окликнула еще разъ и отвѣта опять не послѣдовало. Сердце у нея забилось. Значитъ, Буся не возвращался совсѣмъ. Она оглядѣлась по сторонамъ, заглянула въ спальную, поглядѣла за чѣмъ-то подъ кровать — Буси не было нигдѣ. И какъ здѣсь было все чуждо и не похоже на тотъ маленький, уютный рай, въ которомъ она провела ночь и только что была и теперь.

Она переобулась, надѣла пальтишко и снова вышла на улицу.

— Пойду, куда глаза глядятъ! рѣшила она и поплелась въ ту сторону, гдѣ вчера вечеромъ на краю города на горизонтѣ виднѣлась мутная заря.

Она шла и пла, ничего не замѣчая вокругъ себя, и, наконецъ, вышла изъ города. Вотъ уже послѣдній заборъ, вотъ опустѣвшіе огороды, съ торчащими отъ срубленной капусты стеблями, а вотъ

и чья-то большая, роскошная усадьба. Сквозь желѣзную рѣшетку виднѣются дорожки, посыпанные свалившимся желтымъ листомъ. Далѣе, сквозь черные стволы липъ виднѣется большой бѣлый домъ съ колоннами. Какъ, должно быть, тамъ тепло и хорошо! Вѣра беретъ за прутья рѣшетки руками, просовываетъ сквозь нихъ голову и долго-долго смотритъ черезъ паркъ на домъ.

И вдругъ случается чудо! Вдалекѣ раздаются дѣтскіе голоса, которые становятся все ближе и ближе и съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ по самой крайней къ рѣшеткѣ аллеѣ пробѣгаютъ мальчикъ и дѣвочка, которые ведутъ съ собою маленькаго, трехлѣтняго карапуза. Онъ закинулъ голову назадъ и хохочетъ. Вѣра узнаетъ дѣвочку: это Клаша. Но какъ она сюда попала? Она узнаетъ и карапуза. Это — ея желанный, ненаглядный Буся.

— Буся! Буся! кричитъ она, не помня себя. — Я здѣсь! Я здѣсь!

Все мутится у нея въ глазахъ. Она не видитъ и не слышитъ вокругъ себя ничего, ей кажется, что земля готова выскочить у нея изъ подъ ногъ, и она еще крѣпче вцѣпляется руками въ прутья рѣшетки.

— Буся! Буся! продолжаетъ она кричать не своимъ голосомъ.

Дѣти вздрагиваютъ и останавливаются. Затѣмъ у Клаши проясняется лицо, она узнаетъ Вѣру и говоритъ ей:

— Иди сюда! Здѣсь можно! Боря, зови ее сюда!

А Буся глядитъ на сестру съ такимъ видомъ, точно она свалилась сюда съ неба.

— Вѣра!.. восклицаетъ онъ, что по-дѣтски картавя букву „р“.

Боря выбѣгаетъ за рѣшотку и, какъ и вчера это было съ Бусей, хватаетъ Вѣру за руку и втаскиваетъ ее въ паркъ. Затѣмъ всѣ дѣти бѣгутъ въ домъ.

— Бабушка! Бабушка! кричитъ Боря.— Бусина сестра нашлась!

Генеральша Войницкая раскрываетъ лорнетъ и со всѣхъ сторонъ оглядываетъ Вѣру. Около нея стоитъ почтительно Клашина мать и говорить:

— Это, ваше превосходительство, та самая дѣвочка, о которой я вамъ только что говорила. Изъ-за нея-то я къ вамъ сейчасъ и пришла. У нея нѣтъ матери и отца. Она — сирота.

Генеральша опять осматриваетъ Вѣру и, повидимому, остается ею очень довольна.

— Хорошо, отвѣчаетъ она, — я позабочусь о ней. Идите съ Богомъ, Анна Петровна! Я оставлю ее пока у себя! А вы, дѣти, бѣгите гулять въ садъ!

Боря и Клаша взвизгиваютъ, хватаютъ за руки Бусю и Вѣру и выбѣгаютъ съ ними въ паркъ. Боря торжествуетъ. Теперь онъ не одинъ. У него теперь есть друзья, съ которыми онъ будетъ играть съ утра и до вечера и не будетъ такъ скучать, какъ до сихъ поръ.

Затѣмъ Анна Петровна и Клаша уходятъ. Боря, Вѣра и Буся остаются одни. Вѣра чувствуетъ, что ей давно уже пора уходить

съ братомъ домой, но она не можетъ никакъ рѣшиться и все оттягиваетъ разставаніе. Ей такъ здѣсь хорошо!

„Вотъ, если бы и моя мама была здѣсь!“ думаетъ она, — „Это совсѣмъ было бы похоже на рай!“

И наконецъ она рѣшается и робко подходитъ къ генеральшѣ и начинаетъ съ ней прощаться и благодарить за радушіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! возражаетъ генеральша. — Ты останешься у меня съ братишкой пожить! Я уже навела о тебѣ справки, знаю, что твой отчимъ уѣхалъ надолго и оставилъ васъ однихъ, и хочу, чтобы ты у меня пожила. Если будетъ возможно, то я оставлю тебя здѣсь у себя совсѣмъ!

Вѣра смотритъ на генеральшу, на всю эту обстановку, которая ее окружаетъ, на Борю и Бусю и начинаетъ плакать. Неужели это не сонъ? Неужели все это наяву? Неужели и для нея, для этой маленькой, забитой Вѣры, настали счастливые дни, похожіе на райскую, безмятежную жизнь?

Глядя на ея слезы, Буся тоже начинаетъ хмуриться, но тутъ Боря хватаетъ ихъ обоихъ за руки и тащитъ ихъ за собою снова въ садъ.

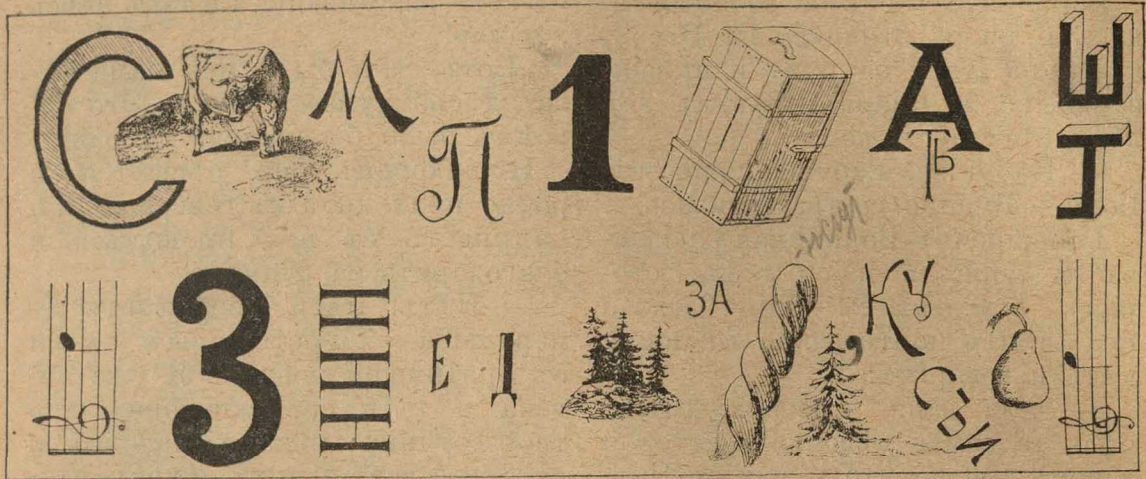
Проходятъ десять минутъ — и изъ парка доносится опять ихъ веселый, радостный смѣхъ и на этотъ разъ уже звонко смѣется и Вѣра. Она освоилась уже со своимъ новымъ положеніемъ и счастлива, счастлива безъ конца.

К О Н Е Ц Ъ .

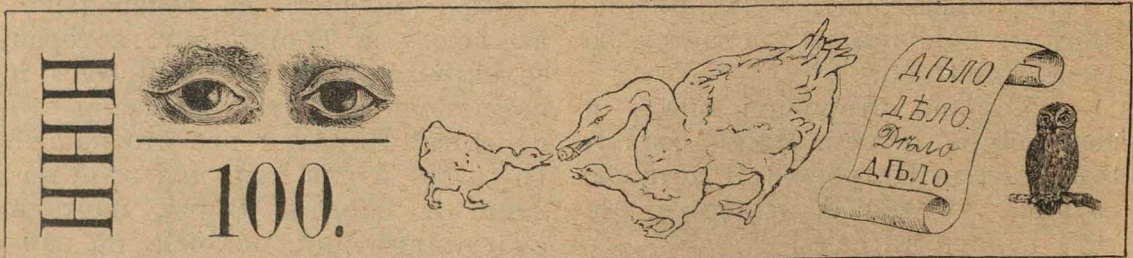
К. Тр.

Ребусъ № 3.

Ребусъ № 4.

(Фамилиі подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусы, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 1, по-
мощенныхъ въ № 1 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I., Сорока „а“ = сорока, II.,
Сонъ, огни, срубъ, накатъ, актеръ = сосна, III.,
Буква, труба, окрошка, доска, мука, объявленіе =
Курскъ. IV., Дѣдъ, сынъ и внукъ, V., Лиса,
Ниль, пила, сани, лапа, панель, ливъ, планъ, спи-
на, ель = апельсинъ. VII., Долото. VII., Виль-иль.

Ребусъ № 1. Ут + ромъ + на + лист + очки
+ че + ре + мухи + осель + а + р + оса =
Утромъ на листочки черемухи осѣла роса.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сева Введенскій,
Б. Елоховскій, К. Писаржевскій, Ал. Ивановъ,
К. Гонсеровскій, И. Кальнинъ, Боря Бокъ,
Варвара Джонсонъ, В. Цвѣтковскій, Колкожъ,
Кузнецовъ. С. Филиппевъ, М. Петрова-Гладко-
ва, Т. Шевтина, Б. Удальцовъ, Мила Сазанова,

Ю. Доброславинъ, Ж. Пименова, А. и Т. Евстра-
товы, Броня З., Л. и В. Брайносъ, Н. Маттесъ,
М. Буйвилло, А. и С. Шатовы, К. Агеева, В.
Темниковъ, Н. Евдокимовъ, В. Бересневъ, Н.
Нейцъ, Г. Рекутъ, Н. Русинава, С. Григорьевъ,
Т. Каледина, Гришутикъ, Оксаночка и Нивочка,
И. Рудныхъ, Ю. Никитченко, М. и М. Рукобрат-
скія, Дѣти Тыняновы, К. и В. Настрюлины, Л.
Эггертъ, В. Ракинъ, Ж. Ламанскій, М. Левинъ,
Т. и В. Никитины, Е. Желиговскій, Теръ-Мика-
лянцъ, Д. Доброволскій, Н. Климовъ, Л. и Э.
Голомштоки, М. Алферьевъ, Ида Левинъ, Э.
Никоро, Ш. Леонтьевъ, С. Кушнеръ, А. Богуше-
вичъ, С. Богдановскій, Эйя и В. Ховенъ, В.
Егунова, В. Романовскій, М. Чурсановъ, Т. и
М. Крупчановы, З. и М. Троицкіе, А. и М.
Рождественскіе, Е. и П. Розенбергеръ, Коля
съ Ланской, Жена Самосьевъ, Игорь Мейен-
дорфъ, В. Рыловъ.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтсѣй (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.